

Поскольку напрямую говорить было нельзя, Цю Ибо решил пойти окольным путём. С любопытством в голосе он спросил:

- Почтенный, вы так и не сказали мне, прошёл я испытание или нет?

- Я уже говорил - не знаю, - бесстрастно ответил тот. - Твой путь противоречит моему, и неизвестно, сойдутся ли они в конце.

Цю Ибо хотел задать ещё вопрос, но вдруг ощутил холод на макушке. В тот же миг в его сознание хлынули мириады таинственных озарений, которые затем словно вырвали у него, и в итоге они сконденсировались в его левом ухе, образовав ещё одну серёжку.

Его сердце всё ещё было охвачено этим мистическим состоянием, будто он постиг нечто невыразимое. Его дух стал подобен ветру и воде, расплывчатым и неосязаемым, пребывая между бытием и небытием, и в мгновение ока всё завершилось.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Цю Ибо пришёл в себя, осознав, что был вынужден принять это наследие. Не успел он даже разозлиться, как услышал голос:

- Моё имя - Шо Юнь. Я тридцать второй глава Пика Омытия Мечей секты Линсяо. Погиб во время испытания небом на пике слияния пустоты и Дао.

Он сделал паузу:

- Если судить по твоему нынешнему телу, ты должен называть меня Прародителем.

«...» Цю Ибо замер. Что это значит? Этот почтенный, похожий на безумца, - учитель одинокого лодочника Чжэньцзюня? И пик слияния пустоты и Дао... разве это не пик стадии Хэдао?! Это же настоящий великий!

Для примера: одинокий лодочник Чжэньцзюнь считается первым под небом, но его уровень всего лишь Дачэн. Линхэ Даожэнь и Сунфэн Даожэнь, которых он видел ранее, - это Яншэнь Чжэньцзюни. Линъяо Чжэньцзюнь погиб на пике Дачэн.

В этом мире раньше были Дао-Цзюни, достигшие слияния пустоты и Дао, но все они уже погибли. И только когда Цю Ао Тянь начал свой путь совершенствования, несколько Чжэньцзюней достигли уровня Дао-Цзюней, включая главного антагониста оригинала - Яньтянь Чжэньцзюня. Тогда титул Дао-Цзюня снова появился в мире.

Другими словами, на данный момент Шо Юнь Дао-Цзюнь - это человек с самым высоким уровнем, которого Цю Ибо когда-либо встречал.

Шо Юнь Дао-Цзюнь, похоже, уловил его мысли и равнодушно сказал:

- Одинокий лодочник - мой внучатый ученик.

«...» Вот это да. Это настоящий прародитель.

Цю Ибо вздохнул и уже собирался поклониться, но лёгкий ветерок поднял его.

Губы собеседника по-прежнему были сжаты в прямую линию:

- Ты не невежественный ребёнок, не стоит церемоний.

- Слушай внимательно. Путь, который я постиг, называется «Путь Великого Забвения Чувств». Он ведёт прямо к Дао, но усеян терниями. Люди – не святые, и этот путь не для обычных людей. Я передаю его тебе лишь потому, что не могу допустить, чтобы моё учение было утрачено.

- Если будет судьба, найди подходящего преемника, чтобы продолжить мою традицию. Если нет – значит, такова воля небес, и я не стану настаивать.

Путь Великого Забвения Чувств не упоминался в оригинале. Это была первая возможность, которую Цю Ибо получил без помощи сюжета книги. Он спросил:

- Дао-Цзюнь хочет сказать, что не желает, чтобы я следовал этому пути?

- Не знаю, – снова ответил Шо Юнь Дао-Цзюнь. – В этом испытании сердца участвовали двое. Я скоро рассеюсь, и у меня нет другого выбора, кроме вас двоих.

- Тогда почему я? – возразил Цю Ибо.

Шо Юнь Чжэньцзюнь взмахнул рукой, и перед Цю Ибо появилась огромная проекция. На ней острый свет рубил Цю Ибо прямо в лицо! Он инстинктивно поднял глаза, чтобы увидеть лицо нападавшего. Меч опустился, и раздался крик. Кровь и плоть разлетелись во все стороны, но это была не его кровь.

Голова отлетела в сторону. Цю Ибо узнал её – это был бывший император.

Затем последовали Чжан Саньнян, циньский Ван, циский Ван... служанка, которая подавала ему чай, евнух, тайком готовивший для него еду на кухне. Одно за другим знакомые лица падали в ужасе.

Проекция наконец остановилась на мужчине в окровавленных одеждах, стоявшем с мечом и бесстрастным лицом. Его взгляд был ледяным, а фон указывал на то, что он находился во дворце. Он шёл, словно бог смерти, и на его пути не оставалось выживших.

Они молча наблюдали за этим, пока окровавленный мужчина не разрубил трон и не исчез. Только тогда Шо Юнь Дао-Цзюнь произнёс:

- Его путь схож с моим. Но я уже пал, что доказывает: этот путь ошибочен.

Цю Ибо на мгновение замолчал, а затем не выдержал и спросил:

- Дао-Цзюнь, то, что я пережил в испытании сердца... это было...?

- Да, – кивнул Шо Юнь Дао-Цзюнь.

«...» Всё ясно.

Цю Ибо мысленно отметил: голос, который он слышал во время испытания, действительно принадлежал Шо Юнь Дао-Цзюню.

Шо Юнь Дао-Цзюнь вдруг спросил:

- Когда ты догадался?

Цю Ибо коснулся уголка глаза:

- Наверное, в тридцать лет, когда получил письмо о разводе.

В испытании сердца он потерял память и действовал инстинктивно, но уже тогда начал подозревать существование «этого». Цю Ибо посмотрел на проекцию:

- Дао-Цзюнь, не могли бы вы сказать, в каком времени он сейчас находится?

- Двадцать первый год правления Сюймина. - Шо Юнь Дао-Цзюнь взглянул на Цю Ибо, и в его глазах, полных кровяных прожилок, мелькнуло недоумение. - Двадцать первый год Сюймина должен был стать концом... Всё, что последовало дальше, было порождено тобой.

Цю Ибо понял: в двадцать первом году Сюймина Шо Юнь Дао-Цзюнь устроил резню в Яньцзине, и его жизнь как простого смертного закончилась - он отправился совершенствоваться. А почему тридцатилетний Шо Юнь Дао-Цзюнь всё ещё мог встать на этот путь... наверное, в этом была ещё какая-то история.

- Мой небесный корень духовности был похищен Ли Сю, и лишь пройдя через множество опасностей, я смог вернуть его и вступить на путь бессмертия.

Цю Ибо: «...?»

Что?! Ли Сю тоже оказался негодяем?!

...ТЬФУ! А он искренне считал его другом!

Цю Ибо почувствовал отвращение.

В его взгляде на Шо Юнь Чжэньцзюня появилась тень жалости. Этот Шо Юнь Дао-Цзюнь был поистине трагическим героем мира совершенствования - рядом с ним не было ни одного хорошего человека. Если разобрать его жизнь, то каждый раз, когда дела налаживались, его ждало ещё большее отчаяние. Такова была игра судьбы.

Он мысленно покачал головой.

Окровавленный мужчина на проекции закрыл глаза, и изображение исчезло. Вместо этого он появился рядом с Цю Ибо, лёжа на спине с пустым взглядом. Цю Ибо машинально посмотрел на него и увидел, как его облик становится чётче. Теперь он разглядел, что этот убийца на самом деле был всего лишь тринадцати-четырнадцатилетним подростком с холодными, как лёд, чертами лица, которые сразу выдавали в нём неприветливого человека.

Цю Ибо вдруг кое-что вспомнил и обратился к Шо Юнь Дао-Цзюню:

- Дао-Цзюнь, у меня есть ещё один вопрос.

Шо Юнь Дао-Цзюнь слегка кивнул:

- Говори.

- Раз уж Дао-Цзюнь знает мою суть, я не стану скрывать. - Эта мысль пришла Цю Ибо внезапно. - Я не знаю, как долго могут существовать такие остатки душ, как вы, но я уже встретил четырёх Чжэньцзюней, чьи остатки должны рассеяться в ближайшие десятилетия. И судя по вашим словам, вы тоже скоро исчезнете.

- Так что же произошло тогда?

Что могло привести к гибели стольких великих в одно и то же время?

Это и хотел узнать Цю Ибо.

Между Цю Ао Тянем и ним прошло всего тридцать лет. Почти все они, находясь на грани исчезновения, по разным причинам выбрали Цю Ао Тяня для передачи своих учений. Неужели всё дело в том, что он был главным героем, которому нужны были наследия, и поэтому все они случайно погибли в один период?

В оригинале говорилось, что Яньтянь Чжэньцзюнь был финальным боссом, но Цю Ао Тянь считал, что тот развязал эту бойню из-за личной мести. Но что это была за месть? В книге не объяснялось.

Почему, как только Цю Ао Тянь начал совершенствоваться, в мире культивации словно произошёл взрыв духовной энергии, и Дао-Цзюни стали появляться один за другим? Можно сказать, что Цю Ао Тянь спровоцировал возможности, став бодхисаттвой, спасающим всех живых существ. Но Цю Ибо думал, что более вероятно другое – время пришло.

Так же, как он не мог достичь Ляньшэнь Хуаньсюй за тридцать лет по обычным расчётам, этим Чжэньцзюням для прорыва к Хэдао тоже требовалось определённое фиксированное время. И когда начался оригинальный сюжет, как раз настал момент для появления Дао-Цзюней.

Проще говоря, он хотел понять эту закономерность, чтобы не дать Яньтянь Чжэньцзюню достичь Хэдао, пока его отец и дядя ещё не дошли до Ляньшэнь Хуаньсюй.

В пределах одного большого уровня, даже если есть разница в малых, два против одного дают больше шансов на победу. Но если Яньтянь Чжэньцзюнь действительно достигнет Яншэнь, его отец и дядя всё равно будут на уровень ниже, и, если ничего не изменится, оригинальный сюжет повторится.

- Не знаю, - искренне ответил Шо Юнь Чжэньцзюнь. - Я всего лишь остаток души, погибший во время небесного испытания, и сохранил лишь часть воспоминаний.

Его голос внезапно понизился:

- Времени осталось мало. Есть что-то ещё, о чём ты хочешь спросить?

Цю Ибо быстро сообразил:

- На что нужно обратить внимание при достижении Яншэнь? Есть ли жёсткие требования?

- Насколько я знаю, самый молодой Дао-Цзюнь достиг этого в тысячу лет. Что касается советов... личный путь - не то, в чём я могу направлять. - С этими словами Шо Юнь Дао-Цзюнь взмахнул рукавом, и сознание Цю Ибо помутнело.

В последнюю секунду перед тем, как погрузиться в сон, он услышал хриплый голос, напевающий:

«Все знают: хорошо быть святым,

Но славу мирскую не забыть!

Где ныне полководцы и князья?..

Всё жизнь копить - а смерть возьмёт своё.

Все знают: хорошо быть святым...

При жизни клялся в верности -

Умрёшь, и след простыл!»

Вэнь Игуан очнулся ото сна и первым делом увидел высокие каменные ступени, уходящие в облака. Вспоминая всё, что пережил в испытании сердца, он машинально потянулся к мечу на поясе.

Но вместо холодных и знакомых ножен он нащупал маленькую мягкую руку. Он повернул голову и увидел ребёнка с фарфоровым личиком, сладко спавшего рядом.

Наверное, это был ещё один ученик, пришедший испытать сердце.

Неужели его испытание было похоже на его собственное?

Вэнь Игуан уже собирался тихо уйти, но ребёнок проснулся. Тот зевнул, потянулся и, не открывая до конца глаз, стал озираться по сторонам, словно что-то искал. Не обнаружив желаемого, он надул губки, явно расстроенный.

- Опять лестницу карабкаться... - пробормотал малыш, затем вдруг посмотрел на Вэнь Игуана с надеждой: - Братец! Ты не видел моего брата и сестру?

- Нет, - холодно ответил Вэнь Игуан.

- А... - ребёнок понуро опустил голову.

Вэнь Игуан невозмутимо сказал:

- Я ухожу.

Малыш пробормотал:

- Ладно...

Вэнь Игуан уже хотел встать, но понял, что всё ещё крепко держит пухлую ручонку ребёнка. Он замешкался, и тут малыш спросил:

- Братец, можно я пойду с тобой? Мне... мне страшно.

«...»

- Нельзя? Я не буду тебе мешать, братец.

- ...Можно.

Только теперь Вэнь Игуан осознал, что согласился. Он мысленно покачал головой. Ребёнок ещё такой маленький... ладно.

Тысяча ступеней - испытание сердца на пути к бессмертию.

Это всего лишь вопрос сердца, только сердца.

Цю Ибо шаг за шагом поднимался вверх, а в его голове мелькали мысли: «Чёрт! Я забыл спросить Шо Юнь Дао-Цзюня – видят ли его дядя и отец то, что происходило в испытании сердца? Если да, то как он теперь сможет смотреть им в глаза? Как продолжать притворяться милым шестилетним ребёнком и уговаривать их искать возможности для прорыва?!

А если они ещё узнают, что он переродился с памятью и на самом деле взрослый, а потом вспомнят его прежнее поведение...»

Цю Ибо потемнело в глазах. Возможно, он уже умер от стыда, но в этой жизни он совершенствуется, так что конец ещё не скоро. Что же делать?!

Примечание автора:

1 «Расплывчатым и неосязаемым, пребывая между бытием и небытием...» – цитата из «Священного канона сердца Нефритового Императора» (даосский текст).

2 «Все знают: хорошо быть святым...» – из «Сна в красном тереме» (Цао Сюэцинь), песня «Всё хорошо».

<http://bllate.org/book/14686/1310274>